

ется свыше. Влияние вышестоящих сил не может не отразиться на судьбе. Таким образом, судьба выступает как реальная действующая сила, но ее можно изменить своим выбором, поступком.

Список литературы

1. Веселовский А. Н. Разыскания в области русского духовного стиха / А. Н. Веселовский. – XI–XII. СПб., 1889. – (Сборник ОРЯС, т. 46).
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Аст, 2004. – Т. 4. – 912 с.
3. Князевская Т. Б. Судьба: метафора, идея, культура / Т. Б. Князевская, А. П. Огурцов // Вопросы философии. – 1992. – № 7. – С. 177–185.
4. Лосев А. Ф. Демон / А. Ф. Лосев // Мифы народов мира: энциклопедия : в 2 т. – М., 1987. – Т. 1. – С. 366–367.
5. Макушев В. Сказание иностранцев о быте и нравах славян / В. Макушев. – СПб., 1994. – 203 с.
6. Свод древнейших письменных известий о славянах. – М., 1994. – Т. 1 (I–VI вв.) / сост. Л. А. Гиндин, С. А. Иванов, Г. Г. Литаврин ; отв. ред. Л. А. Гиндин (филология), Г. Г. Литаврин (история); 1995. – Т. 2 (VII–IX вв.) / сост. С. А. Иванов, Г. Г. Литаврин, В. К. Ронин ; отв. ред. Г. Г. Литаврин.

Referenses

1. Veselovskij A. N. *Razyskanija v oblasti russkogo duhovnogo stiha* [Researches in the field of Russian spiritual verse]. XI–XII. St. Petersburg, 1889. (*Sbornik ORJaS, t. 46* [Collection AREAS, vol. 46]).
2. Dal' V. I. *Tolkovjy slovar' zhivogo velikorussskogo jazyka* [Explanatory dictionary of the living great Russian language]. Moscow, Ast publ., 2004, vol. 4, 912 p.
3. Knjazevskaja T. B., Ogurcov A. P. *Sud'ba: metafora, ideja, kul'tura* [Destiny: metaphor, idea, culture]. *Voprosy filosofii* [Problems of philosophy], 1992, – no. 7, pp. 177–185.
4. Losev A. F. *Demon* [The demon]. *Mify narodov mira: jenciklopedija* [Myths of the world: an encyclopedia]. Moscow, 1987, vol. 1, pp. 366–367.
5. Makushev V. *Skazanie inostrancev o byte i nrvah slavjan* [The legend of aliens about the life and customs of the Slavs]. St. Petersburg, 1994, 203 p.
6. *Svod drevnejshih pis'mennyh izvestij o slavjanah* [Summary of the oldest written notice about the Slavs]. Moscow, 1994, vol. 1 (I–VI vv.). Comp. L.A. Gindin, S.A. Ivanov, G.G. Litavrin. Ed. by L.A. Gindin (Philology), G.G. Litavrin (History), 1995. Vol. 2 (VII–IX centuries). Eds. S.A. Ivanov, G.G. Litavrin, V.K. Ronin. Resp. edited by G.G. Litavrin.

КОММУНИКАТИВНО-ВОЗДЕЙСТВУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ В РАССКАЗЕ А.П. ЧЕХОВА «СУПРУГА»

Чалый Виктор Валентинович, кандидат филологических наук, доцент, Кубанский государственный университет, 350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, e-mail: v_chaly@mail.ru.

В данной работе исследуется содержание синтаксических единиц художественного текста, выполняющих важную роль в общении между писателем и читателем; устанавливается значение различных выраженных словесно приёмов авторского влияния на читателя. Рассматривается, как с помощью сосредоточения на деталях, вербализованных значимыми синтаксическими единицами, А.П. Чехов создает психологически точную картину чувств и переживаний героя.

Ключевые слова: повествователь, воздействие, языковые средства, синтаксические конструкции

SYNTACTIC CONSTRUCTION
COMMUNICATION-INFLUENCING FUNCTION
IN A.P. CHEKHOV'S STORY "SPOUSE"

Chaly Victor V., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Kuban State University, 350040, Russia, Krasnodar, 149 Stavropolskaya st., e-mail: v_chaly@mail.ru.

In this article we explore the syntactic unit content in the fictional text, the meaning of various verbally expressed mechanisms of the author's impact upon the reader is determined.

Keywords: narrator, impact, language means

Во многих прозаических произведениях А.П. Чехова особое и необычное построение фразы становится доминантой в реализации авторской идеи. При этом нередко синтаксические конструкции выполняют функцию предопределяющего оценочного воздействия на восприятие читателем содержания рассказа или повести.

Считаем, что в прозе Чехова автор, выступая в роли повествователя или рассказчика, становится весьма важным субъектом коммуникации – адресантом (отправителем информации) для своего адресата-читателя произведения. Использование конкретных языковых единиц в речи адресанта во многом обуславливает вектор восприятия представленного в тексте содержания. Следовательно, писатель для достижения основной коммуникативной цели (сформировать у читателя определённое мнение о герое, заставить задуматься над представленной жизненной ситуацией или даже соотносить себя с персонажем произведения) осуществляет влияние на адресата своей речи. По утверждению И.А. Фигуровского, «структура целого текста возникает при оформлении очень сложного содержания и определяется отношением писателя и его персонажей к действительности. Поэтому одно строение наблюдается при повествовании от третьего лица и заметно отличное при повествовании от первого лица; одни элементы структуры оказываются в авторской речи и совсем иные в прямой речи – с иным временным планом, с иными обозначениями лиц и т.д.» [2, с. 135].

У Чехова как прозаика авторская оценка, содержащая собственное отношение к описываемому персонажу (его мыслям, поступкам), не всегда явно выражена в художественном тексте прямо. Поэтому одна из задач исследователя специфики языка чеховской прозы – не только установить уровень позиции автора, его субъективный взгляд на рассматриваемую в тексте проблему, но и определить роль коммуникативно-воздействующих вербальных средств, которые использует писатель в речевой ткани произведения. По мнению А.Д. Степанова, «проблема повествования – объективного или «в тоне и в духе» героев – также имеет непосредственное отношение к коммуникации как главной теме Чехова. При каждом из способов повествования – когда устраняется авторская оценивающая инстанция или когда она сливается с оптической позицией, голосом или оценкой героя – изображённая коммуникация «внутри» художественного мира становится гораздо более автономной, чем в тех системах, где повествователь подчиняет себе слово героя» [1, с. 21].

Произведения А.П. Чехова отличает интерес автора к внутреннему миру человека-персонажа, вынужденному не только осознавать степень постигнутого его несчастья (горя, неудачи, поражения, обмана), но и пытающегося установить причины такого безрадостного развития событий. Писатель акцентирует внимание читателя на описании поведения литературного героя в решающий судьбоносный момент, когда он не только анализирует то, что с ним

произошло, но и стремится найти правильный выход из создавшейся весьма непростой ситуации.

Синтаксические конструкции, которые использует А.П. Чехов в своей прозе, в некоторых случаях выполняют важную функцию в общении между писателем и читателем. Особенно это заметно проявляется тогда, когда автор (или рассказчик-повествователь, выступающий от его имени) вводит читателя в противоречивую сферу чувств и переживаний своего героя. При этом создаётся впечатление, что Чехов словно призывает читателя сосредоточиться на деталях (значимых языковых единицах) и не торопиться с выводами: скорее, не осуждать, а понять, почему всё так произошло и что теперь нужно предпринять, чтобы жить дальше?

В начале рассказа А.П. Чехова «Супруга» читатель узнаёт, что главный герой доктор Николай Евграфыч испытывает сложные чувства к своей жене Ольге Дмитриевне. А именно: «Он не верил ей и, когда она долго не возвращалась, не спал, томился, и в то же время презирал и жену, и её постель, и зеркало, и её бонбоньерки, и эти ландыши и гиацинты, которые кто-то каждый день присылал ей и которые распространяли по всему дому приторный запах цветочной лавки. В такие ночи он становился мелочен, капризен, придирчив, и теперь ему казалось, что ему нужна телеграмма, полученная вчера от брата, хотя эта телеграмма не содержала в себе ничего, кроме поздравления с праздником» [3, т. 9, с. 92].

Как нам кажется, данный фрагмент свидетельствует о намерении автора сразу ввести читателя в мир сложных семейных отношений. Используемое автором многосоюзие и градационное расположение однородных членов предложения (глаголы-сказуемые *не верил, не спал, томился, презирал*, а также дополнения-существительные, называющие предметы, принадлежащие жене: *её постель, зеркало, бонбоньерки, ландыши и гиацинты*) способствуют формированию в сознании читателя, с одной стороны, атмосферы недоверия главного персонажа по отношению к своему самому близкому человеку – супруге, с другой стороны, закономерно подводят к «печальному результату» – появлению в поведении Николая Евграфыча ряда неприятных внутренних качеств («мелочен, капризен, придирчив»).

Далее повествователь, сообщая об обнаруженной доктором телеграмме для жены из Монте-Карло от адресанта по имени Мишель, отмечает, что «за время семилетней супружеской жизни он привык подозревать, угадывать, разбираться в уликах, и ему не раз приходило в голову, что благодаря этой домашней практике из него мог бы выйти теперь отличный сыщик» [3, т. 9, с. 92–93]. По-видимому, авторская ирония, являющаяся следствием перечисления глаголов, входящих в состав сказуемого, с усилением значения совершения обыденного действия, служит приёмом изображения кульминационного момента в процессе развития семейных отношений между супругами.

Упомянув знакомство Ольги Дмитриевны с молодым человеком Михаилом Ивановичем, автор-рассказчик констатирует: «И как раз это было то время, когда жена стала часто отлучаться и возвращалась домой в четыре и пять часов утра, и всё просила у него заграничного паспорта, а он отказывал ей, и у них в доме по целым дням происходила такая война, что от прислуги было совестно» [3, т. 9, с. 94]. Анализируя семантический уровень данной синтаксической конструкции, обнаруживаем последовательность использования автором глагольных форм при описании поведения замужней женщины (*стала отлучаться, возвращалась*) и следующую антонимичность в противопоставлении сказуемых-глаголов: она *просила... паспорт*, он *отказывал*.

Далее употребляемая повествователем лексическая единица *война* для указания на пик в тяжёлых супружеских взаимоотношениях, вероятно, становится тем самым ключевым понятием, которое наиболее точно характеризует накал страстей в отдельной семье, представленной писателем синтаксическими средствами языка.

Когда Николай Евграфыч узнал из текста телеграммы, адресованной жене, что возлюбленный приглашает её совершить зарубежную поездку, главный чеховский персонаж, прежде всего, «представил себе, какую бы смешную, жалкую роль он играл, если бы согласился поехать с женой в Ниццу, едва не заплакал от чувства обиды и в сильном волнении стал ходить по всем комнатам» [3, т. 9, с. 94]. Очевидно, что эмоционально-оценочные прилагательные, выражающие однородные определения в структуре этого предложения, подчёркивают нарастающую степень нервозности во внутреннем душевном состоянии несчастного персонажа-семьянина.

Продолжая описывать душевные терзания доктора, находящегося под гнётом одолеваемых мыслей о поведении своей неверной супруги, повествователь сообщает: «В нём возмутилась его гордость, его плебейская брезгливость. Сжимая кулаки и морщась от отвращения, он спрашивал себя, как это он, сын деревенского попа, бурсак по воспитанию, прямой, грубый человек, по профессии хирург – как это он мог отдаться в рабство, так позорно подчинить себя этому слабому, ничтожному, продажному низкому созданию?» [3, т. 9, с. 94]. Полагаем, что автор вовсе не случайно вводит в состав простого повествовательного предложения такой троп, как олицетворение («возмутилась гордость, брезгливость»), и затем в структуре другого (вопросительного) предложения градационно соединяет существительные, представляющие важные вехи биографии главного героя, и вместе с тем противопоставленные характеристике другого героя (его супруги), состоящей из группы прилагательных с низкой эмоционально-авторской оценкой («слабое, ничтожное, продажное, низкое создание»).

Таким образом, писатель косвенно осуществляет коммуникативное воздействие на читателя своего рассказа «Супруга», формируя у него определённый отклик на изображаемый тип семейной жизни, посредством особого построения предложений с использованием приёмов иронии, олицетворения, градации и антонимии лексических единиц.

Список литературы

1. Степанов А. Д. Проблемы коммуникации у Чехова / А. Д. Степанов. – М. : Языки славянской культуры, 2005. – 400 с.
2. Фигуровский И. А. Избранные труды / И. А. Фигуровский. – Елец : Елецкий гос. ун-т им. И.А. Бунина, 2004. – 483 с.
3. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. / А. П. Чехов. – М. : Наука, 1974–1983.

References

1. Stepanov A. D. *Problemy kommunikacii u Chehova* [The problems of communication in Chekhov]. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury publ., 2005, 400 p.
2. Figurovskij I. A. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Elets, Eleckij gos. un-t im. I.A. Bunina publ., 2004, 483 p.
3. Chehov A. P. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: in 30 vol.* [Complete works and letters: in 30 vol.]. Moscow, Nauka publ., 1974–1983.